

ции истории древней русской литературы: «Общая перестройка науки об искусстве, вытекающая из принципов марксистско-ленинской методологии, и расширение репертуара древнерусской литературы поставили заново перед литературоведами проблему периодизации литературного развития XI—XVII вв. Заранее следует оговориться, что неразработанность исторической поэтики русского средневековья вынуждает пока основывать периодизацию главным образом на исторической схеме. Попытки такого рода периодизации, учитывающей смену исторических эпох, делались и в дореволюционных обзорах. Однако принципиальное отличие от них советских «историй древнерусской литературы» заключается в том, что коренным образом изменилось, в итоге перестройки советской исторической науки, само наше представление о ходе общественно-экономического и политического развития древней Руси. Неизбежно по-новому поэтому представлялась и смена литературных направлений, определявшихся этим развитием».¹⁸

Дальнейшие исследования должны, по мысли В. П., охватить и изучение художественной формы отдельных произведений. Сознвая, что созданные истории древней русской литературы требуют дальнейшего совершенствования, В. П. писала: «Развитие литературы с точки зрения ее художественного выражения показано в этих обзорах далеко не достаточно: для полноты картины этого развития недостает специальных исследований художественного стиля древней Руси».¹⁹ Отвечая этой потребности, В. П. пишет «Очерки поэтического стиля древней Руси» (М.—Л., 1947), в которых подвергает тщательному анализу традиционные метафоры и символы древнерусской литературы опять-таки в их связях с фольклором.

Большое значение придает В. П. изучению взаимоотношения русской литературы со славянскими литературами. Причем от исследования эпизодических заимствований В. П. уже в 1947 г. предлагает перейти к изучению славянской культурной общности. В. П. пишет: «Особое внимание привлекает проблема русско-славянских культурных взаимоотношений. Уже отмечен ряд фактов, свидетельствующих об усвоении южными и западными славянами памятников древнерусской литературы (и искусства). Однако советское литературоведение стремится расширить вопрос и, не ограничиваясь указаниями на заимствования одними славянскими народами у других, поставить проблему общности культуры славянских народов в средние века. Эта именно общность служила и служит подлинной причиной интенсивного сближения культур русских и славянских на разных этапах их истории».²⁰ Вместе с тем в статье «Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности» (ТОДРЛ, т. XIX, М.—Л., 1963) В. П. дала наиболее полный свод всех отдельных проципований древнерусских произведений к болгарам и сербам. Написание истории древней русской литературы в связи с историями других славянских литератур признается ею одной из наиболее важных очередных задач.

Первый том коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество» — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков» — явился как бы реализацией многих теоретических положений, высказанных В. П. в ее статьях по взаимоотношению литературы и фольклора предшествующих лет. Ведь фольклор

¹⁸ ТОДРЛ, т. VI, стр. 7--8.

¹⁹ Там же, стр. 8.

²⁰ Там же, стр. 11.